

О возможном применении принципа дополнительности в оценке правосубъектности физического лица (на примере финансового правоотношения)

On the possible application of the principle of complementarity in assessing the legal personality of an individual (using the example of financial legal relations)

Иванюженко А.Б.

Канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Северо-Западный институт управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Санкт-Петербург
e-mail: iuta2007@yandex.ru

Ivanujenko A.B.

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg
e-mail: iuta2007@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается возможность распространения на правовые отношения принципов познания, характерных для естествознания. Отталкиваясь от результатов исследований окружающего мира XX в. и связанных с этим проблем познания, автор делает вывод о возможности анализа поведения человека и общества при помощи методологии, характерной для исследований в области квантовой физики. Автор последовательно исследует неопределенность поведения субъекта до начала коммуникации и вероятностную природу его реакции на иного коммуникатора (субъекта правоотношения), вслед за чем останавливается на вопросах применения в анализе поведения субъекта общественного отношения так называемого принципа дополнительности. Исследуя в качестве примера финансовое правоотношение (а именно – правоотношение в области обязательного пенсионного страхования), автор приходит к выводу о том, что в дополнение к анализу правовых рисков неопределенной реакции субъекта на предлагаемый государством как участником правоотношения некий нормативный акт требуется исследование культурных традиций названного участника правоотношения. Кроме ссылок на многочисленные исследования в области культурологии, философии, теории права и естественных наук, в исследовании используются статистические данные, а также - в качестве примеров содержащиеся в художественных произведениях взгляды представителей народов России на проблематику межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: неопределенность, дополнительность, суперпозиция, метамодерн, правосубъектность, рефлексия, наблюдатель, историческая память, национальная идентичность, пенсионная система, финансирование пенсий, страховой интерес.

Abstract

The article examines the possibility of applying the principles of cognition characteristic of natural science to legal relations. Based on the results of research on the 20th-century world and the associated problems of cognition, the author concludes that it is possible to analyze human and social behavior using the methodology characteristic of research in the field of quantum physics. The author consistently explores the uncertainty of the subject's behavior before the commencement of communication and the probabilistic nature of its reaction to another communicator (a subject of legal relations), followed by a discussion of the application of the so-called principle of complementarity in analyzing the behavior of a subject of social relations. Using a financial legal relationship (specifically, a legal relationship in the field of compulsory pension insurance) as an example, the author concludes that in addition to analyzing the legal risks of an uncertain subject's reaction to a regulatory act proposed by the state as a participant in the legal relationship, it is necessary to study the cultural traditions of this participant. In addition to references to numerous studies in the fields of cultural studies, philosophy, legal theory, and natural sciences, the study uses statistical data, as well as examples of the views of Russian peoples on the issues of intercultural communication in their literary works.

Keywords: uncertainty, complementarity, superposition, metamodernity, legal personality, reflection, observer, historical memory, national identity, pension system, pension co-financing, and insurance interest.

В середине 70-х гг. XX в. акад. В.С. Нерсесянц во вступительной статье к «Философии права» Г. Гегеля отмечал, что «абстрактное право представляет собой первую ступень в движении понятия права от абстрактного к конкретному, является «правом абстрактно свободной личности», представляя собой «абстракцию и голую возможность» всех последующих более конкретных определений права и свободы, описание которой выражается формальной правовой заповедью: «будь лицом и уважай других в качестве лиц» [12, с.18-19]. За два столетия, прошедших с момента публикации исследования Гегеля (1820), достижения естественных и гуманитарных наук раздвинули горизонты восприятия человеком бытия, позволяя переосмыслить вопросы о том, что есть окружающий мир, человек, общество и право.

В частности, неопределенность бытия не просто ставит вопросы о границах познания, но меняет подходы к методологии понимания явлений. Например, Н. Талеб, подымая вопрос о границах истины в осмыслении экономического контекста отмечает, что «категоризация» как таковая создает проблемы, когда в дефиниции какого-либо явления, рассматриваемого в качестве «категории» начинают видеть нечто окончательное, исключая зыбкость границ [36, с.49]. Вследствие этого в исследованиях развития общества и мира появляется феномен постмодерна («признание онтологической и гносеологической неопределенности социального мира ...относительность знаний о любом социальном явлении и процессе» [39, с.47-48]), последователи которого не просто отрицают существование объективных аспектов реальности, которые были бы объективно истинными или ложными, но последовательно пропагандируют идею о том, что «новое» не существует, а такие категории как «реальность» и «ценность» конструируются дискурсами, в силу чего их содержание может варьироваться вместе с ними.

Неудовлетворенность исследователей методами осмысления бытия в эпоху постмодерна повлекло за собой поиски новых путей исследования *истины*, и в первую очередь – вопроса о ее достижимости. Так, средства массовой информации цитируют заявление одного из предпринимателей, получивших мировую известность в развитии бизнес-проектов, основанных на современных технологиях Илона Маска, о том, что «мы находимся на событийном горизонте сингулярности» [17], под которой метафизически он понимал точку истории, в которой физические законы перестают иметь какой-либо смысл из-за из непостижимости.

Несмотря на подобный метафоризм, сингулярность, под которой наука понимает «точку непрерывного уточнения смысла некоего события» [20, с.110] в XX-XXI вв. стала аналогом апории Зенона об Ахиллесе, пытающимся догнать черепаху с той только разницей, что Ахиллесом стали естествоиспытатели, а черепахой – универсальный «закон природы», либо – закон природы, запрещающий познавать человеку как части этой природы эти законы.

В силу неудовлетворенности результатами поиска смысла Бытия в конце XX в. английским художником Люком Тернером (Luke Turner) был опубликован «Манифест метамодерна» (2011), в котором отмечалось, что поскольку «Судьбой человека метамодерна становится преследование бесконечно отступающих горизонтов, художники могут пуститься в искания истины точно так же, как наука стремится к поэтической элегантности. Вся информация являет почву для знания, будь то эмпирического или афористического, независимо от ее правдоценности» [49].

Изложенные тезисы о необходимости дополнения исследований науки – искусством имеют полное право на существование, так как в отличие от науки с ее логикой и опытом искусство основано на интуиции и прозрении. Так, Т.А. Черниговская пишет, что «искусство часто (и неосознанно) делает когнитивные прорывы, которые через десятилетия догоняют своими методами точные и естественные науки. Имя таким примерам – легион» [41, с.31]. Вследствие этого, понимание идей, изложенных культурой, позволяет более взвешенно понять явление, не объясняемое наукой.

Переходя к исследованию методологии права мы должны учитывать, что еще в 90-е годы XX в. д-р юрид. наук Л.И. Спиридонов утверждал о том, что «Мир перестал быть Единым, распался на Миры, а вместе с таким распадом исчезла и единая Истина, трансформировавшись в истины соответствующие числу «культурных организмов» <...> Исследование человека как носителя прав и свобод рассматривается как «субъект-субъектное отношение», не смотря на то, что человек как личность является элементом биологической системы, т.е. «объектом» исследования в качестве части природы, что потенциально позволяет рассматривать общественные отношения «субъект № 1 – субъект № 2» в контексте системы «субъект №1» (объект) – «субъект № 2» с одновременным аналогичным восприятием «субъектом № 1» «субъекта № 2» в качестве «объекта» [35, с.20-21, 40].

Этими тезисами Л. И. Спиридонов фактически признавал распространение на социум методологии, характерной для квантовой физики, согласно которой исследование описывает вероятность обнаружения частицы в определенном состоянии, а не предопределяет это состояние заранее. Поскольку поведение атомных объектов невозможно резко отграничить от их взаимодействия с измерительными приборами, фиксирующими условия, при которых происходят явления [9, с.60], основоположник квантовой физики В. Гейзенберг утверждал, что измерительный прибор (так называемый «наблюдатель»), находясь во взаимодействии с частицей, оказывает влияние на ее движение, что само по себе создает «неопределенность» ее поведения. Осмысливая результаты данного во многом революционного открытия в области элементарных частиц, В. Гейзенберг предложил использовать данную неопределенность и в социальной сфере, утверждая, что «никогда нельзя забывать, что в игре жизни мы одновременно и зрители, и участники <...> для понимания психических явлений следовало бы исходить из того факта, что человеческий дух выступает и **как объект и как субъект научного исследования** (выделено нами – *А.И.*)» [13, с.24-25, 59].

Переходя к вопросу о допустимости подобной методологии в изучении поведения человека (лица как участника правоотношения - «объекта исследования»), надо обратить внимание на исследования В. Вайскопфа (Victor F. Weisskopf), который первым из естествоиспытателей выявил, что микроскопические размеры не являются необходимым условием возможности применения к ним методов квантовой физики, вследствие чего «человек», его здоровье и медицинские патологии рассматриваются современной медициной через квантовые методы познания [33, с.109]. Сделанные В. Вайскопфом выводы были подтверждены последующими самостоятельными исследованиями, согласно которым совокупность множества частиц (макрочастица, т.е. системный объект) может проявлять такое

же поведение, как отдельная частица: электроны в сверхпроводниках действуют как единый квантовый объект подобно одной гигантской частице [45].

Одновременно с этим, и пользуясь выводами русского (советского) математика В.А. Лефевра о том, что «рефлексия - это способность встать в позицию исследователя по отношению к другому «персонажу», его действиям и мыслям» [23, с.5], представляется оправданным изменение подходов к методологии исследования права, как явления общественной жизни путем интерпретации результатов наблюдений за поведением человека и общества, ключевую роль в которой может занять методология, основанная на подходах и категориях квантовой физики.

Рассматривая человека как субъекта правоотношения и как объекта внешнего мира, П. Дирак отмечал, что наука имеет дело лишь с наблюдаемыми вещами и что мы можем наблюдать объект, лишь заставляя его взаимодействовать с чем-нибудь внешним, благодаря чему происходит акт измерения. Поэтому данный тезис позволяет утверждать, что в разумном существе между материальным и духовным имеется тесная взаимосвязь, не столько описываемая тезисом «бытие определяет сознание», сколько тезисом «акт наблюдения неизбежно сопровождается известным возмущением наблюдаемого объекта» [15, с.14], в силу чего потенциальная реакция субъекта (объекта исследования) на наблюдение за его поведением иным субъектом (наблюдателем) может быть предсказана благодаря оценки уровня этого «возмущения».

В то же время мы должны учитывать, что поведению индивидуального или коллективного субъекта аналогично элементарной частице в процессе наблюдения должна предшествовать стадия нахождения в так называемой «суперпозиции», представляющей собой «квантовую неопределенность» объекта до момента наблюдения и выражаемой в одной из многочисленных неопределенных реакциях на наблюдателя и выбранный им метод наблюдения. Таким образом, интерпретируя «правило Н. Борна», согласно которому измерение квантовой системы порождает необратимый результат, мы можем допускать, что непосредственно наблюдение, воздействуя на субъект, создает реальность, так как его новое состояние выбирается им из множества потенциально-возможных вариантов, проявляя себя только в момент взаимодействия с системой наблюдения.

В процессе реакции мозга человека на наблюдателя как некий раздражитель создается побудительный мотив (эксперимент, проведенный в 1983 г. американским нейрофизиологом Бенджамином Либетом (Benjamin Libet) показал, что мозг участников эксперимента подавал сигнал о готовности к движению примерно за 300–500 миллисекунд до того, как человек осознавал свое решение [44]), а непосредственно «сознание» человека (так называемое «разумение»), под которым современное врачебное сообщество, основываясь на тщательном анализе научных доказательств сформулированных в виде так называемых «Клинических рекомендаций», понимает как «субъективные и объективные проявления состояния рассудка, включающие осознание себя как уникальной сущности, восприятие, реакцию и память» [6]) в дополнении к подобной рефлексии позволяет человеку как биологической особи согласовать с мозгом необходимую реакцию на раздражитель, выражаемую либо в активном действии, либо – в отказе от предлагаемых мозгом моделей поведения при их выражении во вне.

Следовательно, обладая правосубъектностью – т.е. «основанной на нормах права юридической **способностью** (выделено нами – А.И.) лица быть участником правоотношений» [29, с.14] названное лицо как объект наблюдения выражает «во вне» соответствующий ситуации вариант поведения зависящий от содержания получаемой информации и рефлексии на субъект побудивший к раздражению (оценка субъектом действия/бездействия иного участника правоотношения), что согласуется с взглядами Н.И. Уздимаевой и А.С. Козурова о том, что правосубъектность опосредована «персональными правовыми качествами ее носителя» [37, с.133].

Таким образом, наблюдаемый субъект («объект наблюдения») выражает через поведение реакцию на некий «раздражитель» (в более сложной системе - реакция человека как элемента общества на предложенную государством установленную нормативно правовую

новацию) в зависимости от субъективной оценки данного раздражителя, причем выбранный вариант в той или иной мере вероятностен (изначально не определен), а прочие варианты реализации правосубъектности остаются потенциальными.

Выявление, как и оценка лицом (наблюдателем) реальной реакции находящегося в суперпозиции и выбираемой объектом (субъектом правоотношения) неопределенной реакции на предлагаемый раздражитель требует дополнительных исследований, в основе которых лежит характерный для квантовой физики «принцип дополнительности», предполагающий неустранимость наблюдателя и релятивность (относительность не только объекта, но и наблюдателя, общества, исторического и социокультурного контекста), включая, по словам д-ра юрид. наук Л.И. Честнова, «ментальный и поведенческий аспекты, потребности, интересы, мотивацию, цель, принятие решения, результат, а также контекст в виде внешних факторов (и их восприятия правосознанием), воздействующих на принятие решения и результат в конкретной жизненной ситуации» [40, с.13, 16].

Непосредственно «принцип дополнительности» как один из важнейших принципов квантовой физики и в последующем – один из важнейших методологических и эвристических принципов науки, сформулированный в. Нильсом Бором, заключается в том, что для полного описания квантово-механических явлений необходимо применять два набора взаимоисключающих т.е. «дополнительных» по отношению друг к другу классических понятий, совокупность которых дает исчерпывающую информацию об этих явлениях как о целостных. Как писал Н. Бор, «понятие дополнительности характеризует возможные ответы, получаемые в результате исследования в случае, когда взаимодействие между измерительным прибором и объектом составляет нераздельную часть явления <...> характеристики людей и человеческих культур представляют черты целостности, требующие типично дополнительного способа описания» [9, с.144, 147].

Применительно к социальной сфере оценка потенциального поведения, выраженного в действии (бездействии) лица определяется не только через презумпцию осмысленного понимания субъектами обязательности права, нарушение норм которого может иметь для нарушителей самые разнообразные неблагоприятные последствия имеющие характер имущественных ущемлений, физических или моральных страданий [47, с.54], но и в дополнении к этому - исторически сформированным культурным кодом присущим лицу, как наблюдаемому объекту и наблюдателю, на которого рефлексивует объект.

Таким образом, исследователь социального явления (наблюдатель) в процессе принятия решения о воздействии на потенциальное поведение лиц (объектов наблюдения) через создаваемую норму права должен учитывать, что:

- (1) он является элементом этой системы (и наблюдатель и наблюдаемый);
- (2) имеется «неопределенность поведения», представляющая собой реакцию лица (социума) как наблюдателя по отношению к первому из элементов на предлагаемые изменения реальности и что -
- (3) требуется дополнительное исследование рефлексии наблюдаемого (объекта исследования) по отношению к возможному воздействию на него со стороны наблюдателя.

Если признать, что при проведении параллели с математической наукой соотношение целей, задач, функций права равно величинам «дано», «найти», «решение», недостаток выверенного нормативного регулирования и механизма правоприменения дополняемого оценкой реакции субъектов, которым оно адресовано либо будет приводить к резонансному и массово болезненному упадку вследствие того, что правовой регулятор в какой-либо области не будет демонстрировать эффективности, либо – будет массово нарушаться в конкретный временной промежуток [21, с.30-31]. Вследствие этого отказ от предваряющих нормативную регуляцию дополнительных исследований объекта может привести к обратному эффекту и в том числе – к так называемой «ментальной архаизации», которая возникает в результате сложного психологического процесса, в основе которого находятся страх и переживания отдельного индивидуума перед переменами социально-экономического, правового, политического или научно-технического характера [38, с.53], крайним случаем которого

в российском правоприменении является массовое отторжение вводимых новаций (в терминологии В. Я. Мауля - «русский бунт»), представляющее собой порождение системного кризиса, продукт традиционной культуры, находящейся в поиске идентичности, ее защитный механизм и транслятор традиционных ценностей [25, с.22], либо – традиционно-молчаливое восприятие обществом правовой новации (так называемый «отказ от многогласия»), берущий начало на Руси со времен Нила Сорского [8, с.24].

В связи с этим, внедрение в публично-правовой регуляции поведения российского общества института, заимствованного из иной правовой культуры, может иметь различные последствия, так как публичное правоотношение, возникающее по отношению к социуму и индивиду, предполагает, что объектом, находящимся в суперпозиции, является не только индивидуальный субъект, но и общество (коллективный субъект).

По нашим наблюдениям отсутствие исследований культурных характеристик российского общества в дополнение к исследованиям соблюдения им норм общепризнанных международных актов создает проблемы:

– в понимании перспектив развития российско-китайских отношений, поскольку в основе правовой доктрины дальневосточного общества лежит уникальная многовековая философия, радикально отличающаяся от идей европейского детерминизма. Так, современный китайский философ Гао Цзаньфэй (XX в.), например, заявлял, что, располагая идеями Конфуция, китайский народ сможет «в новых исторических условиях сравнительно успешнее воспринять марксизм-ленинизм» [10, с.157-159], что отличает правоприменение в КНР, как от традиционного «европейского» правопонимания, так и правопонимания существовавшего в СССР и в нынешнем российском обществе;

– в толковании права в процессе конституционного нормоконтроля России, выражаемого в отсутствии единых подходов Конституционного суда РФ к т.н. *ratio decidendi*, как приема толкования Закона в британской правовой доктрине, подробное исследование которого началось в Великобритании Дж. Монтроузом (J.L. Montrose) только в первой половине XX в. [50, с.126];

– в эффективности внедрения института государственной службы, прошедших апробацию в иных культурных системах. Общеизвестно что, начиная с XVIII в. в России наблюдается интенсивное привлечение специалистов из Западной Европы, так как еще Петр I, осознавая отставание России от европейских держав, побуждал к камералистике «иноземцев» как носителей передовых технологий и знаний, обладающих «новым» культурным кодом. Однако ассимиляция европейских чиновников в российское общество столкнулась с различиями в менталитете и традициях, и связанных с этим спецификой русского управления и бюрократии [7, с.418-420]. Данная проблематика культурного межэтнического конфликта наглядно демонстрируется А.С. Грибоедовым в своей бессмертной комедии «Горе от ума» (1823 г.), в которой показательно сравнивается жалоба Репетилова - Скалозубу (действ. 4; явл. 5) на последствия неудачного брака с дочерью метившего в министры немца барона фон Клоц: «Женился наконец на дочери его, / Приданого взял — шиш, по службе — ничего. / **Тесть немец, а что проку?** (выделено нами -А.И.) / Боялся, видишь, он упреку / За слабость будто бы к родне!» - с потенциальным сватовством и будущим родственным покровительством того же Скалозуба с Фамусовым (действ. 2; явл. 5) в котором первый стремится к карьерному росту «мне только бы досталось в генералы», а второй, намекая на возможный брак со своей дочерью говорит, что «Станешь представлять к крестичку ли, к местечку, / **Ну как не порадеть родному человечку!**» (выделено нами – А.И.), объясняя таким образом отличия взглядов представителей разных культур на профессиональную деятельность и поведение в быту.

Кроме того, непризнание дополнительности как принципа создает проблемы в гармонизации не только отношений с представителями восточных цивилизаций, но и российско-американских отношений в сфере международного права. В частности, российский филолог д-р ф.н. И.А. Стернин отмечал, что американцы считают, что если собеседник им не улыбается, он демонстрирует враждебность, считая из-за этого русских недружелюбной

нацией, хотя уникальность русской улыбки выражается в ее уместности, искренности и причинности, что подтверждается поговоркой «смех без причины - признак дурачины» [21]. Ранее, немецкий философ В. Шубарт (XX в.) много лет прожив в России писал, что «...русский человек видит в человеке не врага, а брата. Он не желает превращать ближнего в свое средство, в этом идея братства» [42, с.308]. Однако, подобная идеализация русского общества (русский в человеке видит брата) находит возражение у С. Довлатова, часть жизни прожившего в США и отмечающего, что в Америке отсутствует такое неперебиваемое традиционное русское понятие как «хамство» («грубость, наглость, нахальство, вместе взятые, но при этом - умноженные на безнаказанность, на заведомое ощущение ненаказуемости, неподсудности деяний, в том чувстве полнейшей беспомощности, которое охватывает жертву» и выражаемые в неравенстве сторон»), как и самое хамство: «в Нью-Йорке вас могут ограбить, но дверь перед вашей физиономией не хлопнут» [16, с.209-211], побуждающее россиянина к неправым способам достижения справедливости и вере в «чудо», т.е. трансцендентной реализации лицом своего субъективного права субъективно-невозможного не смотря на существующие процессуальные нормы, о чем речь пойдет ниже.

Ранее упомянутый математик В. Лефевр в исследовании «Алгебра совести» обосновал теорию двух этических систем, в которой представители первой («западной») системы воспринимают компромисс между добром и злом как зло, а адепты другой «восточной», системы - как добро: для первой системы характерен запрет зла (например, «не лги»), для второй - призыв к добру («будь правдив») [30, с.611]. Подобная категоризация (приоритет правды над отказом от лжи) может иметь самые различные варианты поведения, в силу чего «восточный человек» осознанно может нарушить норму законодательства руководствуясь «высшей правдой», так как к ней побуждают традиции общества и историческая память, что позволяет не просто поднимать вопрос о новых подходах к пониманию преступности как социального феномена [14, с.15], но и рассматривать вопрос о видоизменении состава правонарушения при обязательном признании мотива и цели содеянного в качестве не факультативных элементов, как это рассматривается наукой Уголовного права [48, с.44], а в качестве элементов обязательных.

Перенося вопрос о применении принципа дополнительности в рассмотрении поведения участника финансового правоотношения, т.е. общественного отношения в процессе формирования, распределения и использования публичных и частных денежных фондов мы поддерживаем тезис И.Н. Коваленко о том, что «государство в своей экономической политике должно учитывать фактор неопределенности поведения участников экономических отношений» [18, с.21]. Позитивным примером использования рассматриваемого тезиса является содержание ст. 1 Федерального закона от 04.08.2023. № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах РФ...» (в действующей редакции), согласно которой эксперимент по внедрению в экономику т.н. «исламского банкинга» проводится на территориях Республики Башкортостан, Республики Дагестан, Республики Татарстан (Татарстан), Чеченской Республики [5], поскольку у народов Северного Кавказа представления об Исламе в отличие от взглядов жителей Башкортостана и Татарстана могут быть изложены высказыванием известного дагестанского литератора Расула Гамзатова, о том, что «...имамом становится тот, у кого злее и отважнее сабля» [11, с.32], что отличает толкование Единого учения разными этногруппами проживающими в указанных субъектах России.

Напротив, отсутствие учета принципа дополнительности в регуляции поведения экономического агента порой сводит на нет на первый взгляд рациональные предложения российского государства. В частности, предложенная к внедрению программа софинансирования пенсионных накоплений семьям, обладающим средним и низким доходом, была заимствована из практики США, показав себя эффективной и возможной для использования в прочих странах и в том числе из-за ухудшающейся в «западном мире» демографической ситуации. Однако, заимствование этой модели, в виде правил

экономического поведения, содержащихся в Федеральном законе от 30.04.2008 г. № 56-ФЗ «О дополнительных страховых взносах...» (в действующей редакции) [1], благодаря которому государство, начиная с 2008 г., предложило гражданам софинансирование пенсионных накоплений за счет Федерального бюджета было признано к концу 2012 г неэффективным. По данным Счетной палаты РФ к данной программе присоединились около 4 млн чел., что свидетельствовало о недоверии трудоспособных в то время граждан России к финансовым программам предлагаемым государством, а средняя сумма частных взносов в пользу будущего пенсионера составляла величину 2,6 тыс. руб., т.е. в четыре раза меньше максимальной величины возможного софинансирования [24].

Внедрение аналогичной по смыслу Программы долгосрочных сбережений (ПДС) посредством введения в силу п. 48 ст.3 Федерального закона от 10.07.2023 г. № 299-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части введения в Федеральный закон от 07.05.1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» ст. 36.44 также предполагающей государственную поддержку пенсионных накоплений из Федерального бюджета из расчета 36 тыс. руб. в год на одного участника [4] рассматривается нами с некоторым скепсисом. В частности, на просторах Интернета со ссылками на первых лиц Министерства финансов России появилась информация о том, что россияне, присоединяясь к ПДС получают предусмотренное годовое бюджетное софинансирование, после чего расторгают договор. Величины потерь федерального бюджета за 2025 год варьируются от 17 до 20 млрд руб. и свидетельствует о том, что указанные участники ПДС рассматривают эту Программу не как продукт, направленный на дополнительное пенсионное обеспечение в отдаленном будущем, а напротив – как «инструмент краткосрочного извлечения выгоды» [19].

Различные виды рефлексии «западного человека» и «восточного человека» на подобные правовые новации подтверждаются результатами проведенного в США в начале XXI в. исследования «Исправление будущего». Исследование показало, что «жизни по окончании выплаты пенсионных накоплений» боится 61% американцев, когда напротив – смерти, как альтернативы существования по окончании срока выплаты этих накоплений только 39% [46, с.26-29]. Как отмечает АВ. Сергеева, психология, побуждающая к формированию пенсионных накоплений характерна именно для «западного человека», подходящего к решению проблемы «линейно», «по шагам», т.е. от одного этапа к другому. Напротив, ментальность «русского человека» предполагает в «прошлом» подоплеку, контекст и основу любого решения, вследствие чего возникает неопределенность будущего выражаемая перформативом «наперед не загадывай» [32, с.28, 193].

Думается, что фраза «наперед не загадывай» имеет побудительный мотив для реакции представителей российского общества и на иные финансово-правовые новации в пенсионном законодательстве. Так, согласно Приложению 1 и П.17 ст.15 Федерального закона от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (в действующей редакции) лицо, имеющее право на страховую пенсию по достижению возраста нетрудоспособности имеет право на удвоенную пенсию в случае добровольного отказа от пенсии на срок в течение 10 лет с момента приобретения права на пенсию за счет индексации Индивидуального пенсионного коэффициента (ИПК) на значение 2,32 (так называемая «отложенная пенсия») [2]. Кроме того, на достигшего пенсионного возраста работающего гражданина, и продолжающего работу не распространяется ограничение в 3 ИПК как для работающих пенсионеров, получающих пенсию. В то же время, как пишет в своем блоге в социальной сети «В контакте» депутат Государственной думы РФ д-р экон. нау О. Г. Дмитриева «по данным Минтруда России (ответ на депутатский запрос) в течении 10 лет (в период с 2015 по 2026 годы) всего один пенсионер в Российской Федерации заявил о переносе права на получение пенсии на 10 лет, вследствие чего она достигла размера в 39 тысяч руб/месяц. За тот же период времени правом добровольного отказа от назначения пенсий с последующим восстановлением и увеличением ее размера, воспользовалось 309 человек, из них на год отказались от пенсии всего 120 человек».

Данные факты О.Г. Дмитриева связывает с «низким доверием граждан к пенсионной системе, ее сложностью и постоянными изменениями» [43]. Со своей стороны, признавая непостоянство пенсионного законодательства, создающее предпосылку населения для недоверия к его применению в будущем, мы не можем не заметить, что воздержание россиян от участия в описываемой программе отложенной пенсии может иметь иное объяснение.

Так, ч.2. ст.15 Федерального закона от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход...» (в действующей редакции) предусматривает что т.н. «самозанятые» уплачивают страховые взносы в бюджет Социального фонда РФ исключительно в добровольном порядке (полученные «самозанятым» лицом доходы не рассматриваются как объект обложения страховыми взносами на обязательное пенсионное страхование) [3]. Однако практика показывает, что названные поступления крайне невелики: в интервью Агентству «Росбалт» та же О. Г. Дмитриева пояснила со ссылкой на Отчет Пенсионного фонда РФ за 2021 год, что из 5 млн т.н. «самозанятых» страховые взносы за этот период уплатили 18,5 тыс. чел. т.е. 0,37% [31]. Представленные показатели подтверждают процитированным выше В. Шубартом в 30-е годы XX в. философские, исторические и культурологические исследования, по итогам которых он пишет, что «...русский человек не хочет богатеть медленно «как колбасники» (так насмешливо называл Достоевский западный способ зарабатывания денег), а *хочет стать богатым одним махом или никогда* (выделено нами – А.И.)» [42, с.115].

Но если несформированность накоплений в долгосрочной перспективе не является для представителя русского образа мышления чем-то постыдным, что подтверждается той же поговоркой «гол, да не вор, беден да честен», то приобретение богатства «одним махом» в нашем понимании означает реализацию на практике представителем русской культуры веры в достижение несбыточной мечты в том числе из-за субъективного восприятия несправедливости (наличие феномена «чуда», как явления), с которым постоянно сталкиваются герои народного фольклора и о котором в свое время писал В.Я. Пропп, рассматривая «сказки с чудесным содержанием» [28, с.9], нереальность которой невозможно отрицать объективно о чем писал процитированный выше А. С. Грибоедов в «Горе от ума» словами Молчалина (действ. 3 явл. 3): «частенько там / Мы покровительство находим, где не метим». Однако, реализация «чуда» во вне как общественного отношения с участием представителя русской культуры требует известной рефлексии как в поведении человека, так и лица обладающего абсолютной правоспособностью (т.н. «волшебника») по описываемым нами правилам (оценка волшебником как находящимися в суперпозиции объектом наблюдения бескорыстной мотивации второго участника этого отношения), при недоверии к которому обращение к «волшебнику» с запросом о богатстве «одним махом» не принесет лицу искомого результата, но допустимо при условии наличия у лица некоего культурного кода признаваемого «волшебником» в качестве аргумента для оказания помощи в испрашиваемом.

Анализ продемонстрированных выше примеров различных культурных кодов как необходимых для исследования дополнительных объектов обладают определенной сложностью. Так, непосредственно сложность применения принципа дополнительности в оценке поведения лиц в правоотношении как таковом и финансово-правовом в частности видится нам в том, что субъект (объект наблюдения) воспринимает наблюдателя аналогично т.е. в качестве иного «объекта наблюдения», а реакция каждого из наблюдаемых на каждого из наблюдателей зависит от личностного восприятия друг друга через культурный код, влияющий на самооценку поведения выражаемую в акте поведения. Исследование этого кода носит межотраслевой характер, но позволяет предугадать реакцию лица на правовую новацию, а равно - объяснить поведение социума. В России же в процессе поиска новаций в области права и государственного строительства, межотраслевой характер исследования культурного кода требует анализа культурных традиций социума, представленных лучшими образцами русской культуры, а равно – традиций, сопутствующих кризису русской

государственности в XX в., в процессе которого в российском обществе «странным образом совместились теургическо-мессианские чаяния, коммунистические элементы евангельской проповеди, марксистская идея, жажда справедливости любой ценой и закон возмездия <...> всем, всегда, за все» [34, с.176], во многом являющихся мистикой, но тем не менее лежащей в основе общественной жизни и предопределяющей поведение как общества так и индивида.

Поскольку в глобальном обществе и науке XXI в. не снижается интерес к вопросам границ человеческой автономии, коллективной воли и национальной идентичности [26], задачей российского государства должно быть не просто «...сбережение народа, его культуры и духовности, лучших образовательных и просветительских традиций» [27], посредством защиты культуры российского общества от постоянной энтропии иных культурных ценностей (как например, вопрос о влиянии европейских культурных процессов XX в. на снижение уровня населения России), а признание дополнения законами открытыми в области естественных наук - законов духовного развития и как следствие - признания в настоящем культурного кода - фактором, дополняющим исследование свободной воли человека и общества как базового элемента правосубъектности лица, как участника общественного отношения.

Литература

1. Федеральный закон от 30 апреля 2008 г. № 56-ФЗ «О дополнительных страховых взносах на накопительную пенсию и государственной поддержке формирования пенсионных накоплений» // Российская газета, 2008 - 6 мая.
2. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (в действующей редакции) // Российская газета 2014 – 15 января.
3. Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Российская газета, 2018 - 30 ноября.
4. Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 299-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, 2023 – 18 июля.
5. Федеральный закон от 04 августа 2023 г. № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета, 2023 – 8 августа.
6. Клинические рекомендации «Эпилепсия и эпилептический статус у взрослых и детей - 2022-2023-2024». Утверждены Минздравом РФ 15.08.2022 // Официальный сайт Министерства здравоохранения РФ. URL: https://cr.minzdrav.gov.ru/preview-cr/741_1 (дата обращения: 01 февраля 2026).
7. Авластимова У.Г. Роль и статус иноземцев при русском дворе в XVIII веке: от Петра I до Екатерины II // Молодой ученый. - 2025. - № 23(574). С. 418-420.
8. Бачинин В.А., Никитин, И.Ю. Истоки конфликта между византизмом и евангелизмом. Исторические портреты Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. СПб., 2003. – 120 с.
9. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М.: Издательство иностранной литературы 1961 – 151 с.
10. Буров В.Г. Современная китайская философия. М., Наука. 1980- 311 с.
11. Гамзатов Р.Г. Мой Дагестан. М.: Молодая гвардия, 1972. - 424 с.
12. Гегель Г. Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. - 524 с.
13. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука. 1989 – 400 с.
14. Гишинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). – СПб.: Алетейя, 2025. – 231 с.
15. Дирак П. Принципы квантовой механики. - М.: Мир, 1979. - 476 с.

16. Довлатов С. Блеск и нищета русской литературы: филологическая проза. СПб.: Азбука, 2023 – 288 с.
17. Дугин А. Еще более глубинное государство и «Темное Просвещение» // Информационное агентство «РИА» - URL:<https://ria.ru/20250307/ssha-2003463655.html> (дата обращения: 07 марта 2025).
18. Коваленко И.Н. Государственные ценные бумаги в транзитивной экономике России. Автореф. соиск. уч. степ. к.э.н. Р-н-Д., 2002. – 35 с.
19. Ковалев А. Сбережения вышли на пенсию. Клиенты НПФ забрали 18 млрд рублей после получения средств от государства // Сайт Издательский дом «Коммерсант» - URL:<https://www.kommersant.ru/doc/8247420> (дата обращения: 28 ноября 2025).
20. Котелевский Д.В. Сингулярность как концепт современного философствования // Эпистемы: сборник научных статей. Вып. 7: Онто-гносеологические традиции: истоки и современность. — Екатеринбург: Ажур, 2012. С. 104-112.
21. Лебедева Е.Н. Цели, задачи, функции права в системе функций иных социальных регуляторов и в исторические периоды его действия // Юридическая наука. 2016. № 3 с. 30-34.
22. Лебедева Л. Почему русские редко улыбаются // Российская газета – 2016. - 11 мая.
23. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. Издание второе, переработанное и дополненное. М.: Изд-во «Советское радио», 1973. - 158 с.
24. Мазунин А. Пенсии не прошли аудит. // Коммерсантъ. - 2010. - 24 декабря.
25. Мауль В.Я. Социокультурное пространство русского бунта (по материалам Пугачевского восстания). Автореф. дисс. на соискание уч.степ. доктора истор.наук. Томск, 2005 – 43 с.
26. Медведев Ю. Ученые назвали TOP-20 самых значимых тематик мировой науки // Сайт «Российская газета» - URL:https://rg.ru/2025/03/10/uchenye-nazvali-tor-20-samyh-znachimyh-tematik-mirovoj-nauki.html?ysclid=m9e8o15nem422337283&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения 10 марта 2025).
27. Отрашкевич Е. Путин назвал сбережение народа главной задачей страны // Коммерсант, 2025 - 22 мая.
28. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни народной сказки. СПб.: 1996 – 364 с.
29. Савельева Н.М. Правовое положение ребенка в Российской Федерации: гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты. Самара, 2006 - 151 с.
30. Семенов И.Н. Полифоническая персонология В.А. Лефевра и фундаментальное развитие рефлексивных наук о человеке и вселенной // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2017. Т. 14. № 4. С. 607–625.
31. Семенец А. Какие пенсии смогут получить самозанятые? // Сайт Информационного агентства «Росбалт». - URL:<https://www.rosbalt.ru/moscow/2022/07/15/1966530.html> (дата обращения: 1 июля 2022).
32. Сергеева А.В. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2004. – 328 с.
33. Ситько С.П. Болезнь и лечение в представлениях квантовой медицины // Сборник избранных трудов IV Международного Конгресса «Слабые и сверхслабые поля и излучения в биологии и медицине». С. 109-120.
34. Слободнюк С.Л. «Око за око»: теократическая утопия в правосознании Серебряного века // Ленинградский юридический журнал. – 2010. № 3 (21). С. 158-176.
35. Спиридонов Л.И. Избранные произведения: Философия и теория права. Социология уголовного права. Криминология. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского института права им. Принца П.Г. Ольденбургского, 2002 – 390 с.
36. Талейб Нассим. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Колибри - 735 с.
37. Уздимаева Н.И., Козуров А.С. Субъект права: основные подходы к пониманию // Контентус. – 2020 № 4. С. 128-136.
38. Фурман Ф.П. Диалектика архаики и модерна в аксиологии современного права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 2 (20). С. 48-54.

39. Честнов И.Л. Постмодернизм как вызов юриспруденции // Общество и человек, 2014, №4 (10). С. 47 – 48.
40. Честнов И.Л. Состояние и перспективы постклассических исследований права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 11-21.
41. Черниговская Т.А. Чеширская улыбка кота Шредингера М.: АСТ, 2025 – 496 с.
42. Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 2000 – 446 с.
43. «Возможность увеличить пенсию в два раза существует, но! воспользовался этим правом с 2015 г один человек» // Персональная страница депутата Государственной думы России О.Г. Дмитриевой в социальной сети «В контакте» - URL: https://vk.com/dmitrieva_spb?z=photo-203028210_457240208%2Ff87b42c03c371c5e00 (дата обращения: 12 декабря 2025).
44. «Кто здесь главный: как наш мозг принимает решения раньше, чем мы их осознаем?» // Сайт психологов № 1 - URL:<https://www.b17.ru/article/634748> (дата обращения: 13.03.2025).
45. «Нобелевку» по физике дали за демонстрацию квантовых эффектов в большом масштабе // Сайт Телеканал «Наука» - URL:https://naukatv.ru/news/nobelevskuyu_premiyu_po_fizike_prisudili_za_otkrytie_kvantovykh_effektov_v_bolshem_masshtabe (дата обращения 07 октября 2025).
46. «Пенсионное «цунами» в США. Кто следующий - Азия и Европа?» Редакционная статья. // Рынок страхования. 2011. № 2. С. 26-29.
47. Теория государства и права: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г.Г. Бернацкого. – СПб.: Изд-во СПб ГЭУ, 2020. – 753 с.
48. Уголовное право. Общая часть: учебник для СПО / В.Б. Боровиков, А.А. Смердов; под ред. А.А. Боровикова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 243 с.
49. Metamodernist. Manifesto // Портал «Метамодерн» - URL:<https://www.metamodernism.org> (дата обращения 12.11.2025).
50. Montrose J.L. Ratio decidendi and the House of Lords. The Modern Law Review. 1957. 20(2). P. 124–130.